

АННА
ПОЖАРСКАЯ

16+

БРАЧНАЯ АФЕРА

РИВОТТА
МАДСОНА

Анна Пожарская Брачная афера Ривотта Мадсона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63715671

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-99008-1

Аннотация

От отчаяния я заставила авантюриста Мадсона взять меня в жёны. Брак помог сохранить наследство и ускользнуть от человека, семь лет терзавшего мое тело и душу. Но мой мучитель могущественен, а муж не стал защитой и опорой. Придется спасать себя самой. Хм... благоверный путается под ногами, осталось только понять зачем. В тексте есть: отчаянная героиня с уникальным даром, ушлый герой, драконы в качестве домашних животных, противостояние характеров, приключения и много любви.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	17
Глава третья	29
Глава четвертая	41
Глава пятая	56
Глава шестая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Анна Пожарская

Брачная афера

Ривотта Мадсона

Глава первая

– Я пушу тебя по миру, распутная вертихвостка, – выплюнула падчерица, и Гортензия сжала кулаки. С какой бы радостью она приложила эту мерзавку чем-нибудь тяжелым!

Казалось, еще чуть-чуть, и в комнате для посетителей заискрится воздух. В повисшей напряженной тишине стал слышен каждый скрип половицы, каждое шуршание потревоженной ветром шторы. Но огонь не разгорелся. Гортензия не дала.

– Мне и так досталось немного, не жадничай, Лилия, – ответила как можно спокойнее. Мечты мечтами, а гнев плохой советчик. Еще столько предстоит выслушать...

– Погоди, дознаватели доберутся до правды, – не унималась падчерица. Прическа ее растрепалась, красивое лицо исказила гримаса, а темные глаза горели бешеным огнем. Точь-в-точь как у ее папеньки, когда тот не получал желаемого. Лилия перешла на крик: – Все узнают, что это ты убила отца! По тебе виселица плачет, шлюха!

Гортензии стало нечем дышать. Лицо запылало, а кулаки зачесались, как после крапивы. Да, приличным дамам не пристало драться, но уже нет никакого терпения!

Из кабинета выглянул секретарь господина Флокса – душеприказчика почившего неделю назад супруга Гортензии.

– Госпожа Патрак, – обратился он к Лилии, сверкнув на женщину строгим взглядом. – Господин Флокс ждет.

Падчерица фыркнула, демонстративно отряхнула руки и направилась в кабинет. Гортензия устало плюхнулась на диван. Налила воды из графина, что стоял на тумбе рядом с подлокотником, и залпом опустошила бокал. Расстегнула верхнюю пуговицу платья. Как же душно, ящер всех заberi! Вроде и комната немаленькая, и окно за спиной сквозит, а чувствуешь себя как в крохотном чулане.

Прикрыла глаза. Ничего! Скоро все формальности будут улажены и она вздохнет свободно. Семь лет ждала его смерти, так отчего не подождать еще месяцок, пока все уляжется?

Скрипнула дверь, ведущая в уличный коридор, и Гортензия испуганно подскочила на ноги. Не помня себя оббежала диван и, перехватив сумочку, приготовилась к обороне. Вдохнула поглубже, пытаюсь унять скачущее сердце. За что ей эти мучения? Разве мало было скандала на оглашении завещания? Флокс говорил, что Белдону назначено через три часа после нее. Так что он делает здесь сейчас?

Вновь прибывший мужчина вальяжно подошел к тумбе с графином и с надменной улыбкой плеснул воды в чистый бо-

кал. Пригубил, издевательски потягивая время в молчании. Смерил женщину взглядом и хищно улыбнулся.

Гортензия поежилась. Руки и лицо горели, а тело била дрожь, словно какой-то нетрезвый бог заковал ее в лед и теперь поджаривал выглядывающие из глыбы части. За стеной Флокс и секретарь, – поспешила успокоить себя, надеясь собраться, но это не помогло. Противный липкий страх захватил все существо. Хотелось забиться в угол, свернуться калачиком и умереть. Да что угодно, лишь бы Белдон прошел мимо!

– Траур тебе к лицу, – глубокомысленно заметил мужчина, пристально глядя ей в глаза. – Вижу, честно стараешься скорбеть по моему братцу...

Гортензия не смогла вымолвить ни слова, казалось, язык навсегда прилип к небу, но челюсть ходила ходуном то ли от страха, то ли от холода.

– Я написал твоему отцу, – продолжил Белдон. Ему, похоже, и не требовалось ответа. – Попросил твоей руки. Он согласился. Так что, как только пройдут приличные пятнадцать дней траура, ты станешь моей женой.

– Нет! – покачала головой Гортензия.

– Да! – усмехнулся мужчина. – Он твой опекун еще полгода. А ему всегда нравилась наша семья, и он с радостью согласился оставить тебя среди достойных людей.

– Зачем я тебе? – прошептала еле слышно. – Вокруг полно женщин, готовых дать гораздо больше за обыкновенное

покровительство, а ты собираешься заключить брак...

– Просто хочется тебя в жены, – подмигнул собеседник и криво улыбнулся, – так бывает...

– Не соглашусь быть твоей! – выдохнула Гортензия.

– Нужные люди услышат «да», – Белдон вернул бокал на тумбочку и обогнул диван.

Гортензия отступила к окну. Дальше бежать было некуда.

Он приблизился почти вплотную. Ноздри обжег давно знакомый лимонно-гвоздичный запах, и женщина сжала сумочку, собираясь с силами. Хотя бы рожу этому уроду она испортит! И будь что будет... Протянул к ней руки, собираясь заключить в железные объятия.

Из кабинета господина Флокса вышла Лилия, и сопровождающий ее секретарь, строго глядя на этот раз на Гортензию, произнес:

– Прошу, госпожа, вас ждут.

Обогнула Белдона и почти бегом направилась к душеприказчику супруга. Скорее всего, деверь планирует дожидаться ее возвращения, но она попросит Флокса выпустить ее через черный ход. Ни за что не останется рядом с этим человеком ни мгновения!

В светлом кабинете душеприказчика пахло сигарами и книжной пылью. Вдоль стен стояли высокие шкафы, доверху набитые документами клиентов, бумажными свидетельствами событий чужих жизней. Посреди кабинета главенствовал огромный стол красного дерева. Сам хозяин сего великоле-

пия, Оливсур Флокс, сидел на стуле с высокой спинкой и с отеческим участием смотрел на очередную жертву дележа большого наследства. Да что большого – огромного! Третьего состояния в королевстве.

Гортензия мысленно ухмыльнулась: как жаль, что ей из этого богатства достался только дом, драконюшня, ничтожное содержание, и то с условиями. Хотя нет, не жаль. Зато она наконец-то избавилась от мужа. Секретарь подвинул стул, предлагая сесть напротив душеприказчика, и женщина подчинилась. Тот кивнул и ушел в свой закуток – квадратную комнатку между кабинетом патрона и помещением для посетителей.

– Вот ваши бумаги, Гортензия, – деловито заговорил Флокс, холеными руками протягивая документы. Хорошо поставленным голосом с будничной интонацией начал перечислять условия. Уже озвучивал их, когда оглашал завещание, но, видимо, профессиональная этика требовала еще раз напомнить о них незадачливой наследнице. – Распоряжаться домом возможно будет после того, как проживете там пять лет. С драконюшней можно будет творить, что вздумается, через семь лет, и все эти годы необходимо поддерживать поголовье нелетающих ящеров постоянным, вовремя заменяя издохших или больных животных. В случае замужества ваше содержание уменьшается в десять раз. Все понятно?

Гортензия кивнула.

– Да, – подняла на него глаза, раздумывая, поинтересо-

ваться ли еще одной вещью. Безопасно ли? Тряхнула головой, отгоняя дурацкие мысли. Когда два года назад произошел тот неприятный случай с супругом, Флокс был на ее стороне, значит, можно надеяться, что он поможет и в этот раз. – Могу я просить вашего совета, Оливсур? – вкрадчиво поинтересовалась она.

– Конечно, – мужчина лучезарно улыбнулся. Всю серьезность как рукой сняло. Пропал безнадежный сухарь и появился элегантный, коротко стриженный брюнет с ясным взглядом голубых глаз, волевым подбородком, тонкими усами и явным желанием помочь красивой молодой вдове.

Гортензия набрала в грудь побольше воздуха. Даже говорить о девере было страшно!

– Родственник супруга выпросил у моего отца согласие на брак со мной. Я не хочу замуж еще раз, и тем более за него. Могу ли я как-то опротестовать решение родителя?

Флокс прищурился и сжал губы. Покачал головой и заговорил мягко, как с сумасшедшей.

– Не можете. Если не ошибаюсь, в ближайшие полгода он ваш опекун. Когда вы были замужем, о вас заботился супруг, но теперь эта обязанность снова вернулась к отцу...

– Что же мне делать? – выпалила Гортензия и часто заморгала, чтобы не разреветься. Бегство исключалось: пока ей не исполнилось двадцать пять, она даже чихнуть не могла без разрешения опекуна, не то что уехать куда-нибудь. А снова оказаться в лапах Белдона не хотелось. Она и сейчас

просыпалась в холодном поту от кошмаров, стоило только вспомнить о нем перед сном.

Душеприказчик скривился в усмешке лихача, обогнавшего соперников на скачках:

– Можно выйти замуж за кого-нибудь другого, не дожидаясь ни разрешения родителя, ни истечения срока траура, – объявил он. – Конечно, ваш брак смогут опротестовать, но любые трения – это время, а вам надо выиграть всего лишь полгода. Не так уж много, – задумчиво погладил усы. – Только учитывая, так скажем, статус претендента на вашу руку, мужчина вам нужен заинтересованный.

Гортензия пожала плечами. И без того призрачная надежда утекала сквозь пальцы, растворялась снегом по весне. Реветь хотелось все сильнее.

– Где я такого возьму? – вздохнула она. – Денег нанять у меня нет, а бескорыстных идиотов, готовых связываться с Белдоном Патраком, днем с огнем не сыщешь.

– Учитывая ваши отношения с супругом, – осторожно затянул Флокс, – у вас наверняка есть любовник. Может быть, стоит начать с этого мужчины...

– Нет у меня любовника, – созналась Гортензия и почувствовала, как кровь приливает к лицу. Будто поведала о чем-то постыдном. – И не было никогда, – облизнула пересохшие губы. – У меня только муж был и еще... – замялась, но собеседник понимающе закивал, позволяя не объяснять дальше.

Протянул руку и осторожно накрыл сложенные в замок

ладони Гортензии. Подавила первый порыв избавиться от прикосновений, и душеприказчик продолжил как ни в чем не бывало.

– Не волнуйтесь! Приходите завтра к ужину. Обсудим, чем помочь вам, в непринужденной обстановке.

– Вы не боитесь Белдона? – прищурилась Гортензия. Ей казалось, деверь – человек бесконечной власти и держит в страхе всех.

– Немного, – улыбнулся Флокс и сжал ее ладони. Его пальцы показались обжигающе горячими. – Но я хочу вам помочь.

– Спасибо! – отняла руки и поднялась с места. – Я пришлю записку, когда все обдумаю, – сгребла документы и положила их в сумочку. – Вы не представляете, как много значит для меня поддержка, – сообщила запальчиво. – Но мне надо понять, вправе ли я втравливать вас в неприятности.

Улыбнулась и, кивнув на прощанье, попросила выпустить через черный ход. Флокс открыл дверь и проводил гостью задумчивым взглядом.

На улице оказалось неожиданно холодно. Гортензия успела пожалеть об опрометчивом нежелании брать плащ, решила отчего-то, что жакета от траурного костюма будет достаточно. Зря! Теперь будет дрожать всю дорогу. Застегнула пуговицы и поспешила прочь, гадая на ходу, что предпринять дальше.

Супруг оставил лишь заботы. Дом слишком дорог для

ее скудных средств и, если вдруг ей на голову не свалится неожиданное богатство, через пять лет придет в такое запустение, что даже подумать страшно. Драконюшня всегда еле еле сводила концы с концами, договор с придворными зельеварами не давал зарабатывать много, а расходов было с избытком. Гортензия даже предполагать не хотела, что станет делать, если внезапно издохнет какой-нибудь из ящеров: каждый зверь стоил целое состояние. Про денежное содержание и говорить нечего: по прикидкам суммы едва хватало на повседневные нужды и небольшие расходы на дом, а уж если ее уменьшить в десять раз... Разве что не умрешь от голода. Даже на панталоны недостаточно!

Впрочем, жаловаться было не на что – муж мог и просто выставить на улицу, а так, если хорошенько поразмыслить, можно выжать немного прибыли из ящеров. Работы, конечно, ждет немерено, но даже чудеса требуют подготовки. Избавиться бы от Белдона, а с остальным она как-нибудь справится!

Белдон Патрак служил главным королевским зельеваром, и, что гораздо хуже, он придумал рецепт от семейного недуга короля, и, естественно, держал свои знания в секрете. Монаршая болезнь передавалась по мужской линии: мальчишки редко дотягивали до сорока, и последние годы жизни приносили им скорее мучения, чем радость, но благодаря отвару Белдона король в добром здравии разменял седьмой десяток. Монарх прислушивался к зельевару куда сильнее, чем

нужно, и найти мужчину, желающего ссоры с Патраком, для Гортензии казалось невозможным. Что бы сейчас ни пели кавалеры, они сдуются и убегут, как только запахнет жареным. Своя шкура дороже любого благородства! Разве что использовать кого-то вслепую. Осталось только придумать кого.

Уже подошла к дому, когда озарила догадка. А ведь есть кого! Ривотта Мадсона! Он, конечно, в ссоре со своим отцом и отлучен от семьи, но Мадсоном от этого быть не перестал, а значит, с ним Белдон запросто не справится. Вот только пойдет ли Отти у нее на поводу? Вздохнула и решительно направилась к площади с экипажами: пока не попробуешь, не узнаешь.

Подъехала к дракодрому через час с четвертью. Бегов сегодня не было, и местность выглядела безлюдной. В дни соревнований здесь кипела жизнь, а сейчас нависшая вокруг тишина казалась мертвой. Гортензия поежилась, пытаясь запахнуть сильнее и без того застегнутый жакет. Одиночество настораживало. Хоть бы кого-нибудь навстречу! Нет, только ветер, стойкий запах животных да голые деревья вокруг огромного сооружения.

Подошла к входу для работников и постучала. Помялась, отгоняя мысли о неуместности своего визита сюда без сопровождения, но выбирать не приходилось. Бывала здесь три или четыре раза вместе с кузеном. Тот приятельствовал с Ривоттом и время от времени приглашал с собой и на бега, и просто посмотреть на ящеров. Гортензия, хоть и недолюбли-

вала Мадсона, соглашалась с радостью: животные забавляли, а Ривотт был слишком занят, чтобы надоедать. К тому же после ссоры с отцом он подрастерял спесь и гонор и стал сносным собеседником. Вряд ли ему можно было простить выходки юности, но перекинуться несколькими словами ничего не стоило.

Из окошка в двери выглянул усатый старик. Сверкнул на Гортензию лукавым взглядом и широко улыбнулся.

– Чем могу быть полезен госпоже?

– Я ищу Отто Библиса, – Гортензия вернула улыбку, искренне надеясь, что за пять лет не забыла вымышленную фамилию Мадсона.

Улыбка старика стала снисходительной, даже немного сальной, казалось, прямо сейчас он предложит денег за совместный вечерок или просто позовет выпить.

– Сожалею, но господин Библис не принимает поклонниц с глазу на глаз. Если желаете, можете прийти на бега послезавтра, как раз будет встреча с дракеями после заездов.

Гортензия покачала головой, давая понять, что ее приняли за кого-то другого.

– Я друг семьи. Гортензия Патрак.

Старик ухмыльнулся, но возражать не стал.

– Подождите здесь, – велел он и исчез за дверью.

Гортензия только вздохнула. Дожили! Ее записали в нетерпеливые поклонницы.

С другой стороны, неудивительно: за Отто столько побед,

а всадники нелетающих драконов куда популярнее коллег, управляющих лошадьми, вот и приходится защищать свое время и пространство. Это ее в лицо никто не знает, а он любимец многих.

Уже замерзла окончательно, когда дверь распахнулась и на пороге возник Ривотт Мадсон, то есть Отто Библис собственной персоной. Гортензия слабо улыбнулась. За пять лет, что не виделись, он ничуть не изменился. Чуть выше нее ростом: как раз смотрит в очи, не наклоняясь, когда она на низких каблуках. Юркий, жилистый, с правильными чертами лица, внимательным взглядом карих глаз и непослушной черной копной на голове. Ривотт помахал рукой. На мгновение показалось даже, что он рад такой гостье.

– Теззи, чем обязан? – приветствовал скорее язвительно, чем добродушно.

– Разговор есть, Отти, – усмехнулась Гортензия. Иллюзия рассеялась, и все вернулось на свои места. Ривотт – мерзкий высокомерный тип. С радостью отдаст такого на растерзание Белдону. Смерила старого знакомого взглядом и уточнила: – Серьезный разговор.

– Что ж, пойдем, – отступил от двери, пропуская на территорию дракодрома. – Заодно и чаю тебе налью, а то синяя вся, как зимородок.

– Ты настораживающе любезен, – вздохнула Гортензия, чувствуя, как челюсть начинает стучать от холода.

Ривотт кивнул и повел за собой к двухэтажным построй-

кам.

Глава вторая

Миновали одну и нырнули внутрь другой постройки. Прошли по коридору и свернули в маленький кабинет со столом и двумя стульями по разные его стороны. Ривотт отправился за чаем, а Гортензия уселась и уставилась в окно. В кабинете тоже пахло животными, но слабее, чем на улице, и хотя бы не дул ветер. Расстегнула жакет и верхнюю пуговицу платья. Вряд ли это подействует на Мадсона, они слишком давно знакомы, но в ее случае пойдут любые средства, чтобы склонить мужчину на свою сторону. Пусть даже потом у нее будет повод себя ненавидеть.

Ривотт вернулся с подносом. Поставил на стол дымящийся чайник, две симпатичные фарфоровые чашки с причудливой перламутровой росписью и вазу с печеньем. Уселся напротив, разлил пахнувший имбирем напиток и подвинул угощение ближе к Гортензии. Та благодарно кивнула. Прекрасно помнила, что Ривотт не ест сладкого: нелетающий дракон, конечно, не лошадь, но и дракею разъедаться не следует, чем легче всадник, тем быстрее ящер под его седлом.

– Что хотела? – поинтересовался мужчина и отхлебнул из чашки.

– Чтобы ты женился на мне, – выпалила Гортензия. На долгие предисловия решимости все равно бы не хватило, а так хоть волнений меньше.

Ривотт пристально посмотрел на собеседницу. Прочистил горло и осторожно поставил чашку на стол.

– С чего это вдруг? – прищурился он. – Я, конечно, сочувствую твоей потере, но скрашивать одиночество подружки Теззи не намерен.

Гортензия сжала кулаки и шумно выдохнула. Да как он смеет! Сейчас, спустя столько лет, вспоминать о давней своей насмешке... Скотина! Покачала головой. Нет, Отти, Теззи повзрослела и уже не уйдет от главного из-за злости. Поймала взгляд собеседника и проговорила как можно четче.

– С того что у Гортензии Патрак на руках вексель, выписанный Ривоттом Мадсоном десять лет назад, – скривилась в усмешке и подмигнула: – Помнишь сумму, Отти? А причину возникновения долга? Как думаешь, твой отец оплатит его?

– Понятия не имею, – пожал плечами мужчина. – После моего расставания с невестой он и знать меня не хочет.

Гортензия цокнула языком и покачала головой.

– В жилах твоего отца течет кровь двух королей, а его сын сел играть в карты с хозяином самого мерзкого борделя столицы соседнего государства. Нехорошо.

– Я не знаю, достанется ли мне наследство, про титул и думать страшно, – усмехнулся Ривотт. – Мне нечего терять.

– Зато твоей семье есть что, – Гортензия отпила из чашки. Жидкость обжигала, но это не портило настроения. Ставки сделаны, осталось лишь добить легким движением. – Помнится, для вашего княжества нет хуже провинности, чем азарт-

ные игры, так? Не лишится ли титула твой отец? Полагаю, у вас полно желающих продать независимость за спокойствие и стабильность. Многие хотят перейти под крыло могущественного соседа. Подумай об этом...

– В юности ты не была такой сообразительной, – мужчина наклонился и, едва касаясь кончика ее носа своим, заглянул в глаза. Перешел на шепот: – Доверчивее была, добрее...

– Один благородный юноша объяснил мне, как вести себя правильно, – отрезала Гортензия. Отодвинулась, встала на ноги и, ничуть не смущаясь, продолжила: – А потом был еще немолодой мужчина. Я просто усвоила урок. Мне нужен супруг завтра утром, Отти. И либо он у меня будет, либо я вышлю вексель в одну из отвратных газетенок. Ясно, что денег я не получу, но с облезшего дракона хоть чешуйка... – смерила собеседника взглядом: – Что скажешь?

– Скажу, что хочу получить вексель сразу после свадьбы, – Ривотт потер подбородок. – В остальном тебе придется верить моему слову. Не хочу думать, что будет, если он попадет в еще одни руки. Не предполагал даже, что Дадли отыщет его и отдаст тебе... Верил: Дад мне друг.

– Дадли не отдавал, – пожала плечами Гортензия, отчего-то захотелось защитить кузена. Тот почти боготворил Мадсона и никогда не позволил бы ему навредить. Вернулась за стол и продолжила: – Просто погиб внезапно. А его бумаги оказались нужны только мне. Вот и все.

Улыбнулась и сделала глоток из чашки.

– Мне требуется муж на полгода, до моего совершеннолетия. Единственное, необходимо ночевать у меня, чтобы не вызывать подозрений в фиктивности брака. Потом отпущу тебя на свободу.

– А мне нужна постельная грелка как раз на это время, – Ривотт залпом допил чашку и закинул ногу на ногу. Скрестил руки на груди и прошил собеседницу взглядом.

Гортензия рассмеялась в голос. Нашел, чем напугать... Она уже спала с мужчиной, которого не хочется. Даже с двумя одновременно. С новым партнером это будет так же мерзко, как и с предыдущими. Противно, но уже не больно и не страшно. Переживет!

– Идет, – подытожила она, когда смех отпустил. – Правда, муж говорил, я холодна как лягушка...

– Расслабиться после скачек сойдет, – махнул рукой Ривотт и поднялся из-за стола. – Полагаю, у тебя все? У меня куча дел. Давай назначим время, и я пойду.

– Завтра в десять у ратуши, – Гортензия опустошила чашку и поторопилась к двери.

– Завтра в десять, – задумчиво повторил мужчина, и как бы невзначай добавил: – Только имей в виду, твоим супругом будет Отто Библис.

– Плевать! Хоть одноглазый ящер, – усмехнулась Гортензия и вышла прочь.

Ривотт догонять не стал.

В карете никак не могла согреться: руки напоминали за-

мороженных рыбин, челюсть ходила ходуном. Пусть здесь было безветренно и даже пахло цветочными духами, но это не приводило в чувство. Разговор дался непросто. А учитывая произошедшее восемь лет назад, она вообще совершила подвиг.

До замужества Гортензия с отцом, мачехой и их детьми жила в городке у моря, рядом с границей княжества Тлип. Ривотт часто бывал там, проводил время на побережье у тетки. Кузен Дадли дружил с ним. Пока росли, совместных интересов было немного: все-таки пять лет разницы давали о себе знать, — а когда стали постарше, появились приемы, праздники и даже балы. Дела у отца Гортензии шли не очень, и в обществе она появлялась редко, но юноши повадились навещать ее. Частенько составляли компанию на побережье или прогуливались с нею в соседние городки.

Естественно, получили приглашение на ее семнадцатый день рождения. А когда под занавес праздника Ривотт отвел именинницу в сторону и сделал предложение, радости не было предела. Сейчас она бы в первую очередь подумала об ужасном мезальянсе: где это видано, помолвлены дочь средней руки торговца и наследник пусть маленького, но независимого княжества, а тогда ее охватила эйфория. Нет, Теззи не стремилась замуж, но сам факт заставлял девичье сердце стучать кузнечным молотом, а ладони покрываться потом волнения.

Радость была недолгой. Когда Гортензия поделилась с от-

цом и тот пришел поговорить с молодым человеком, Ривотт заявил, что пошутил, не планировал никакой свадьбы и лишь проверял, поверит ли подруга его словам.

Никогда ни раньше, ни потом ей не было так обидно. Проревела всю ночь, отгоняя злость на выходку приятелей и страх, что навсегда останется старой девой. А полгода спустя к ней посватался богач Патрак, и, уже будучи замужем за ним, Гортензия поняла, что участь старой девы не так уж ужасна...

Дом ожидаемо встретил тишиной: рассчитала всех слуг, кроме девочки-сироты, на следующий день после смерти мужа. Избавилась бы и от последней, но той просто некуда было пойти и, поторговавшись для порядка, Гортензия оставила сироту при себе еще на три месяца. Какая-никакая компания и для одной, и для другой.

Девочка как раз возилась с ужином, и, чтобы скоротать ожидание, хозяйка отправилась в кабинет почившего мужа изучать расходные книги драконюшни. Гортензия втайне надеялась найти там хоть какие-нибудь бесполезные траты или лишние поступления. Для ладной работы деньги были нужнее воздуха, но добыть их оказалось неоткуда. Если бы не завешание, она продала бы пару ящеров, и дело с концом, но воля супруга висела удавкой на шее, запрещая всякое прагматичное действие.

Высчитывала, выгадывала, сличала цифры до тех пор, пока служанка не сообщила, что ужин стынет. Наскоро пере-

кусила и отправилась к себе. Завтра ждал странный день, и следовало бы отдохнуть.

Никак не могла заснуть, мучилась в сомнениях, стоит ли отдавать вексель. По-хорошему слово Ривотта ничего не стоило, но опасения приятеля она разделяла. И если Мадсона-младшего она давно недолюбливала, то вредить его отцу не собиралась. Ночью приснился кошмар: навалившийся сверху Белдон вовсю орудует у нее между ног и одновременно душит железными безжалостными руками. Шею пронзает болью и становится нечем дышать. Будто кто-то злобный забирает весь воздух, не оставляя ей ни капли.

Проснулась в холодном поту с трясущимися руками и ясным пониманием, что никто не станет жалеть Гортензию Патрак, а значит, и ей не следует проявлять мягкотелость. Отдышалась, вынула из-под подушки нож, повертела его в руках и, немного придя в себя, забылась снова. На этот раз без сновидений.

Утро Ривотта прошло в суете. Сразу после завтрака осматривал нового ящера: хозяин зверя обещал хорошие деньги, если дракей приведет его к победе. А потом пришлось искать свидетелей на бракосочетание. Гортензия прислала записку, в которой просила привести троих. В ратуше требовалось четверо приглашенных даже для негласной церемонии, а у нее из всех знакомых только юная служанка. Приятели по дракодрому с пониманием отнеслись к просьбе прийти на

свадьбу и только добродушно посмеивались в тесной карете по пути к центральной городской площади.

– Поверить не могу, Отто женится! – восклицал Дарлит, служитель драконюшен, большой щеголь слегка за пятьдесят. Когда-то он тоже участвовал в скачках, но однажды ящер споткнулся и сбросил наездника. Дарлит чуть не свернул шею. С тех пор довольствовался работой поспокойнее.

– Надеюсь, там есть на что посмотреть, – хохотнул Алдро, вечный соперник Ривотта на дорожке дракодрома. Рыжий нескладеха с большим носом и неестественно темными глазами.

– И что потрогать, – со знанием дела уточнил Дарлит.

– Придержите языки! Вы говорите о будущей супруге нашего Отто! – приосанился и назидательно задрал указательный палец юный Дион, белобрысый красавец с благородными чертами лица и подающий надежды дракей.

– Ага, – закивал Алдро. – Похоже, скоро я заполучу все кубки. Следующий шаг после женитьбы – это занятие побезопаснее, чтобы она не волновалась. Драконюшни, например, или советы толстосумам при покупке ящеров.

– И не надейся, – с улыбкой осадил коллегу Ривотт. – Я женюсь не по любви, а потому что вынужден.

– Ну ты и ловок, приятель! – Алдро похлопал Ривотта по плечу. – Когда успел-то? Не встречаешься же с поклонницами с глазу на глаз.

– А он как породистый жеребец, – сквозь смех пояснил

Дарлит. — Покрывает всех скопом. А там как повезет...

И мужчины окончательно разразились хохотом.

Ривотт покачал головой и едва слышно вздохнул. Сложил руки в замок, прикидывая, как вести себя с Теззи. Вряд ли ей нужен муж в обычном понимании, но и совсем холодным быть не следует: она, похоже, неуклюже просила создать видимость настоящего брака, когда звала жить к себе. Что ж, видимость так видимость... Он не станет противиться. Зря только заговорил о постели. Но кто знал, что приятельница все равно не передумает? С другой стороны, интуиция подсказывала: откажись он от этого требования, Теззи в обиде не будет. Пожмет плечами, и только. Да и ему игры в любовь ни к чему. Разве что стоит взять приятельницу пару раз, чтобы сбить с нее спесь, но можно пережить и без этого.

Серьезные отношения с женщинами сейчас в планы Ривотта не входили. Отец стал предпринимать едва заметные шаги к примирению, и если отлученный сын желал вернуться в семью, ему стоило приготовиться жениться на выбранной родителем девушке. Устранить причину давней ссоры. Брак Отто Библиса с Теззи оказался своеобразной удачей: ограждал любимца женщин Отто от посягательств и имел вполне определенный срок окончания. К тому же отец знал про вексель, и в случае необходимости можно было поведать ему правду без утайки. Проигрывала только Теззи. До изгнания Ривотта из дома Отто Библиса никогда не существовало. Весь подделка от кончиков пальцев до последней точки в до-

кументах, он подставлял под удар: начини кто-то копать действительно глубоко, непременно узнает, что никакого мужа у Гортензии нет. Впрочем, это будут уже не его, Ривотта Мадсона, трудности.

Наконец карета остановилась и мужчины по одному стали выбираться наружу. Смех сменился почтительной тишиной, и на мгновение Ривотт испугался даже, не случилось ли чего. Но настала его очередь на выход и он с нетерпением высунулся из кареты. От неожиданности язык прилип к небу и перехватило горло.

Около входа ждала невеста. Теззи Патрак. Залитая светом весеннего солнца, в голубом парадном платье и аккуратной круглой шляпке, она казалась такой легкой и нежной, что в пору было вспомнить о духах света, которые дарят утреннюю радость. Если бы они существовали когда-нибудь, выглядели бы именно так. Ривотт невольно улыбнулся и шагнул навстречу. Не знал, что говорить, мысли вылетели из головы, но зато решительно протянул руку. Страшно хотелось прикоснуться к стоящему у двери чуду.

Тепло ее ладони чувствовалось даже через перчатку, Теззи, похоже, волновалась и от этого казалась еще беззащитнее. Ривотт тряхнул головой, стараясь привести себя в чувство. Это же Теззи! Кузина Дадли и знакомая с детства девочка! Просто разодета как на приеме у короля. Он видел таких дам сотни раз: они приходят домой, натягивают будничные платья, разводят шумных собачек и пилят мужей по

поводу и без.

– Ты не представишь мне своих друзей, Отто? – оторвала от раздумий невеста.

– Да, представь нас, – подал голос Дарлит. – Пока еще можно увести цветочек из твоего сада.

Гортензия улыбнулась. Ривотт покачал головой и поспешил исправить оплошность. Отрекомендовал каждого, а потом, не выпуская руку невесты, повел ее внутрь ратуши. В просторном кабинете к ним присоединилась служанка Теззи – Фукси. До церемонии оставалось несколько минут.

Не слушал, что говорил представитель градоначальника. Как заколдованный, не вдумываясь, вторил «да» на все вопросы и тайком поглядывал на Гортензию. Почему не замечал, что она хороша, раньше? Много лет назад ничего милых, кроме распахнутых наивных глаз, у нее не было, а сейчас невыносимо хотелось прикоснуться. И держится невеста превосходно. Усмехнулся, согласившись с чем-то в очередной раз. Откуда что взялось? Неужели дело в наряде? Скорее ему просто не хватает женского внимания. Надо заглянуть в гости к госпоже Гидноре, и все встанет на свои места.

– Можете скрепить договоренности поцелуем, – возвестил представитель градоначальника, и Гортензия выжидающе посмотрела на Ривотта.

Он улыбнулся: отчего-то веселила сама мысль, что его ласки ждут. Склонился к новобрачной и осторожно накрыл губами ее губы.

Гортензия невесомо опустила руки на его плечи, скорее обозначая прикосновение, чем обнимая, а Ривотт еле сдержался, чтобы не сгрести жену в охапку и не поцеловать по-человечески. Ее теплые губы пахли розами и казались такими вкусными, что впору было сойти с ума. «Завтра же к Гидноре», – подытожил он про себя и на всякий случай отошел от Теззи на шаг.

Распрощались на выходе из ратуши. Ривотт пообещал быть дома к ужину и отправился обратно на дракодром. Приятели подшучивали над новобрачным всю дорогу, но он не обращал внимания. Никак не мог выбросить из головы мысли о жарком поцелуе с супругой, и это жутко раздражало.

Только ближе к вечеру Ривотт вспомнил, что так и не забрал у Гортензии вексель.

Глава третья

Дом супруги нашел не сразу. Вроде и знал примерно, куда идти, но пришлось немного поплутать. Бывал в этих местах прежде, но никогда не думал, что Теззи из детства живет в огромном особняке из розового камня. Казалось, там расположился дальний родственник короля, не меньше. Протопал по мощеной тропинке через еще голый сад и подошел к парадному входу. Постучал. Открыли сразу. Судя по неснятому плащу, девочка-служанка и сама явилась не так давно.

– Госпожа, скорее всего, в столовой, – поспешила сообщить она, сообразив, что мужчине снимать нечего и повода задерживаться около двери нет. Потом указала рукой в сторону узкого арочного прохода. – Там, – прикусила губу и виновато опустила глаза: – Забыла покупки у бакалейщика. Сейчас вернусь.

Ривотт кивнул и направился на встречу с супругой. В полутемном коридоре едва слышно пахло розовыми духами Теззи, но сейчас этот аромат не будил никаких желаний. За день впечатление от увиденного утром поистерлось, и Ривотт даже успел посмеяться над своим приступом юношеского восхищения. В очередной раз убедил себя, что все от воздержания, и твердо решил исправить эту досадную оплошность завтра после заездов.

Услышал голоса на подходе к двери в столовую. Звонкий

и чистый явно принадлежал Теззи, а смутно знакомый приятный баритон – мужчине. Подавил желание нарушить этот междусобойчик сей же момент. Остановился рядом с входом и заглянул в щель между не до конца закрытой дверью и стеной.

Мужчину узнал сразу: дознаватель городской охранной службы Хатиор Рипсалис. Тот заглядывал на дракодром, когда искали украденного породистого и подающего надежды ящера. И тем удивительнее было увидеть Хатиора здесь мирно пьющим чай за одним столом с Теззи.

– Вы же понимаете, Гортензия, – увещевал гость, наливая себе в чашку очередную порцию. Сейчас он сам походил на чайник, что был в его руках: на выбритых щеках выступил румянец, а пухлые губы и слегка нависший над ними нос только усиливали сходство. – В ваших интересах припомнить подробности той ночи. Учитывая неудачную попытку зарезать мужа два года назад, вы – одна из главных подозреваемых.

– Глупости, – махнула рукой Теззи. – Сами сказали, что удары нанес мужчина на полметра выше меня ростом. Вам никак не свалить на меня смерть Патрака-старшего.

– Но ведь вы должны были видеть убийцу, – мужчина отставил чашку и уставился на хозяйку дома. Он нахмурился, и сдвинутые брови стали напоминать то место, где чайник накрывает крышка. Пропыхтел и продолжил увещевания: – А то, что не раскрываете подробностей, позволяет предпо-

ложить, что вы с ним в сговоре.

– Я никого не видела и ничего не слышала. Допрашивайте слуг. Список, кто из них куда отправился, я вам дала, – Теззи откинулась на спинку стула и неторопливо отпила из чашки. – Кто бы ни был этот человек, он оказал мне неоценимую услугу и я не хочу прилагать усилия, чтобы ему вредить. Да и память моя стала подводить как раз после того случая с мужем.

– Мы обвиним вас в соучастии...

– Да хоть зелье правды влейте, – пожала плечами женщина. – Ничего не изменится, – пристально посмотрела на гостя: – Я никого не видела.

Повернула голову и столкнулась взглядом в Ривоттом. Тот замешкался на мгновение, раздумывая, что предпринять дальше.

Теззи опередила. Состряпав улыбку, вышла из-за стола и направилась к мужу.

– Рада видеть тебя, дорогой, – сообщила она таким ележным голосом, что Ривотту стало не по себе. Совершенно не хотелось, чтобы Хатиор думал о любви между супругами. Еще найдет в этом мотив для убийства Патрака-старшего.

Тем временем Теззи бесцеремонно схватила его ладонь и, обжигая своим теплом, повела к гостю.

– Позволь представить тебе, дознаватель городской охранной службы господин Рипсалис, – посмотрела на Хатиора, – а это мой новый супруг Отто Библис. Поженились сегодня

с утра.

– Мы знакомы с Отто, – вздохнул дознаватель, поднимаясь с места и с чувством пожимая Ривотту руку. – Поздравляю вас обоих. Надеюсь, к столь скоропалительному браку вас привела именно та причина, о которой я подумал сразу, а не та о которой вынужден помнить из-за должностных обязанностей, – подмигнул почти по-свойски. – Ребенок госпоже Гортензии был бы очень кстати.

Ривотт неловко улыбнулся. И в голову не приходило, что в первую очередь все будут думать о беременности. Посмотрел на Гортензию в поисках поддержки. Не хватало ему еще слухов о бастардах! Отец наверняка осведомлен, под каким именем скрывается его непутевый сын.

– Я не беременна, – возразила вмиг помрачневшая Тези. – Просто спать одна боюсь. Кошмары мучают.

– Отличный повод выйти замуж! – пролепетал смутившийся Рипсалис. Потом взял себя в руки, обезоруживающе улыбнулся и снова стал походить на чайник. Шумно выдохнул и возвестил: – Я, пожалуй, пойду. Оставляю за собой право навестить вас еще раз в ближайшие несколько дней. Если вдруг что-то вспомните, вы всегда знаете, где меня найти.

Развернулся к двери.

– Я провожу, – Ривотт последовал за гостем в коридор.

Уже в саду около выхода он остановил дознавателя.

– У меня есть два билета на субботние бега, на синие крес-

ла. Я бы с радостью пристроил их вам как давнему поклоннику. Загляните ко мне на неделе, как будет время, немного поболтаем о моей жене.

Рипсалис усмехнулся и покачал головой.

– То, что вы предлагаете, – должностное преступление. Но синие кресла – это мечта моей супруги, а у нее скоро день рождения, – протянул задумчиво и подмигнул: – И она была бы просто счастлива, если бы могла прихватить с нами свою сестру.

Ривотт хохотнул. Ловко! Билеты на самые дорогие места на дракодроме стоят целое состояние, а тут так элегантно просят еще.

– Хорошо, три билета на синие кресла.

– Я зайду послезавтра в обед, – пообещал дознаватель и поспешил прочь.

Ривотт вернулся к жене. В столовой стало темнее и пришлось поискать свечи. Зажег несколько в канделябре, что стоял на подоконнике, и вокруг стало теплее и уютнее.

Гортензия не шелохнулась. Сидела за столом, обнимала ладонями чашку с чаем и пустым взглядом смотрела перед собой. Казалась еще мрачнее, чем несколько минут назад. Она успела принести супругу тарелку с запеченной говядиной и зеленым горошком и теперь снова вернулась к своим невеселым мыслям.

Пахло мясным соусом: перцем и тушеными помидорами. Ривотт втянул приятный аромат и отогнал дурацкую мысль о

подсыпанном женой яде. Гортензия обновила чай в чашке и отхлебнула. Вздохнула и едва слышно шмыгнула носом, как готовый разревется ребенок.

Стало не по себе. Будто не Рипсалис, а он, Ривотт, расстроил женщину.

– Осторожнее с ним, – едва слышно проговорила Теззи, глядя перед собой – Он только прикидывается простачком, на самом деле всю душу наизнанку вывернуть может.

– Кто? – прищурился Ривотт.

– Дознаватель, – пояснила Гортензия. Смерила мужа взглядом, выложила на стол медный потертый ключ и уточнила: – От твоей комнаты. Вторая дверь после окна наверху, – набрала в грудь воздуха и продолжила: – дверь между нашими спальнями не запирается, но, очень прошу, стучись, – криво усмехнулась: – Ждать тебя сегодня в постели?

– Нет, – покачал головой мужчина. Несколько покоробил будничным тоном благоверной, но Ривотт одернул себя. Не настоящий же он муж, так, вовремя подвернувшийся старый знакомый. Невозмутимо продолжил: – Завтра важное соревнование. Надо поспать.

– Отлично, – закивала Гортензия и поднялась из-за стола. – Увидимся за завтраком.

Собралась было выйти, но супруг не дал. Осторожно схватил за плечо.

– Вексель... Хочу забрать его.

Гортензия покачала головой.

– Отдам через полгода. Нужны гарантии. Твое слово ничего не стоит.

– Но мы договаривались! – возмутился Ривотт.

– Ешь, – Теззи вырвалась из захвата, – остынет.

Оправила рукав и вышла прочь. Ривотт уселся за стол и послушно принялся за трапезу. Догадывался, что приятельница обманет с векселем, и даже не злился. После той выходки с предложением он бы тоже себе не доверял. В юности поступок казался страшно остроумным, а сейчас и вспоминать было стыдно. Здоровый лоб обвел вокруг пальца девчонку, считай, ребенка, и радовался так, словно отобрал у нее выкопанного земляного червяка. Дурак! Даром что уже считал себя довольно взрослым, чтобы управлять княжеством, мудрости так и не набрался.

Прожевал очередной кусок мяса и усмехнулся. Сказал бы ему кто-нибудь тогда, что Теззи будет покушаться на мужа, глядишь, все бы сложилось иначе. И близко не подошел бы...

Покачал головой. Все-таки интересно, что же такое произошло в семье Патраков, что милая домашняя девочка дошла до попытки убийства? Стоило выяснить хотя бы из любопытства.

Свою спальню отыскал без труда: поднялся по широкой лестнице на второй этаж, постоял около большого окна в форме арки, любуясь выглянувшей из-за облака луной, отсчитал двери и занялся замком. Ключ провернулся легко и бесшумно. Ривотт толкнул деревянное полотно и вошел в

комнату.

Пахнуло лавандой, и вновь прибывший поспешил приоткрыть окно. Еще не хватало провонять чем-нибудь посторонним и заставить Принца волноваться прямо перед заездом! Ящер и так не в духе последние дни: вроде здоров, но нервничает похлеще девицы перед брачной ночью.

Ривотт поискал спокойное место для свечей и пристроил туда прихваченный из столовой канделябр. Огляделся. Комната оказалась большой, но какой-то захлавленной. Вроде и места много, а развернуться негде. Рядом с огромной кроватью стоял внушительный платяной шкаф, в углу был стол, а с другой стороны, между окном и дверью в спальню Гортензии, красовался забитый книгами стеллаж. Ривотт сдернул покрывало, разделся, задул свечи и улегся в свежую постель.

Сон не шел. В ночной неподвижной тишине в голову лезли дурацкие вопросы, лишали спокойствия и заставляли кровь быстрее бежать по жилам. Интересовали подробности жизни прежнего хозяина комнаты и его жены. Господин Патрак чаще любил супругу в этой постели или в соседней спальне? Может быть, он предпочитал стол? А Теззи что нравилось больше: замирать от наслаждения, глядя мужу в глаза, или не видеть его вовсе, разворачиваясь спиной и подставляя для ласки грудь? Ривотт мучился полночи, уже решился было навестить благоверную, но потом понял, что та давно видит пятый сон. Сумел забыться, только пообещав себе как-нибудь испытать и обстановку, и давнюю приятель-

ницу.

Проспал! Не услышал звона колокола городской башни и открыл глаза, лишь когда девочка-служанка постучалась и пригласила к завтраку. Мчался на дракодром так, будто заезд уже начался и от победы в нем зависит жизнь всей семьи Мадсонов, ни больше ни меньше.

Добрался, когда выводили ящеров на приветственный круг. Наскоро сунув Принцу недоваренное яйцо, любимое лакомство питомца, сел в седло и слегка ударил самца пятками, побуждая двигаться вместе со всеми. В первых трех заездах они с Принцем не участвуют, значит, будет время переодеться в форму. А пока следует разогреть зрителей.

Когда ящеры и всадники закончили круг, толпа ревела. Казалось, в самом воздухе витает аромат соперничества, приправленный пряным запахом победы и горьковатой ноткой поражения. Люди на трибунах напоминали и жужжащих пчел в улье, и муравьев одновременно: так же время от времени мешаясь друг другу, они сустились на своих местах. И каждый хотел чего-то необычного. Каждый пришел разогнать кровь беспокойством за победу своих любимчиков. Ривотт закрыл глаза, напиваясь чужим ожиданием, азартом и волнениями посторонних. В такие минуты он чувствовал себя королем, повелителем мира.

В отборочном им с Принцем следовало прийти третьими, не меньше, а в основном нужна только победа. Так они и сделают. Незачем напрягаться понапрасну, пытаясь стать пер-

выми в предварительном забеге. Ривотт похлопал ящера по шершавой шее и, наклонившись к ушному отверстию, прошептал: «Мы возьмем этот кубок, Принц, и тебе достанутся самые сладкие самочки». Животное уверенно фыркнуло, как бы намекая, что непременно расстарается ради такого дела.

Ривотт оставил ящера в стойле на несколько минут, чтобы облачиться в форму, а когда вернулся, рядом с животным ожидал незнакомый мужчина. Немолодой крупный рыжий детина в дорожном костюме. Ривотт давно привык к богачам, желающим нанять его всадником для своих ящеров, но ему страшно не нравилось, что чужие ошиваются около Принца. К тому же рожа рыжего была смутно знакома и никто не смог бы поручиться, что это не разыскиваемый властями преступник.

– Меня зовут Белдон Патрак, – ухмыльнулся незнакомец и отчего-то стал напоминать лягушку: голубые, чуть навывкате глаза, некрупный нос, тонкие губы – того и гляди, ухватит языком пролетающую мушку.

– Я бы попросил вас отойти от животного, господин Патрак, – без должного пиетета приветствовал его Ривотт. Понял, кто перед ним, но церемониться не собирался: скоро заезд, не до расшаркиваний.

– Я к вам примерно с той же просьбой, Отто, – спокойно парировал визитер. Покачал головой и сложил руки на груди. – Слышал, вы сочетались браком с моей родственницей

Гортензией. Надеюсь, знаете, что делаете... Она, безусловно, красивая женщина, но брат говорил, что Гори несносна и совсем не интересуется семейным очагом.

Ривотт собрался было заметить, что, возможно, дело во-все не в Гортензии, но поймал взгляд собеседника и осекся. Нет! Сейчас Белдон не походил на лягушку, скорее на кобру ровно в то мгновение, когда она накинется со смертельным ударом.

– Я вас не понимаю, – дракей деланно пожал плечами. – Меня брак с Теззи более чем устраивает.

– Думаю, вы очень скоро решите оставить эту женщину, – Белдон поймал взгляд Ривотта и четко проговорил каждое слово: – Иначе в вашей жизни будет куда больше неприятностей, чем сейчас. Гортензия приносит несчастье... – снова ухмыльнулся: – Это я вам как главный королевский зельевар говорю. Брата приходилось чуть ли не каждый день отпаивать разными отварами. Вы же не хотите разделить его участь?

Ривотт сжал кулаки. Да кто этот рыжий такой, чтобы угрожать сыну князя! Не мешало бы указать наглецу его место.

– Ни разводиться, ни умирать в ближайшее время я не собираюсь, – подытожил он. – Гортензия – моя жена, я доволен браком, по-драконьи здоров и удачлив. Надеюсь, что в скором времени она подарит мне наследника.

– Смотрите, чтобы мальчугану не пришлось расти без отца, – предупредил Белдон и направился к выходу из драко-

нюшни. Обернулся около двери и заговорщически подмигнул, – Если вдруг передумаете, помните, мы всегда можем компенсировать неудобства, – улыбнулся и добавил: – С лихвой!

– Нам пора на выход, – Ривотт демонстративно щелкнул замком стойла и взял Принца под уздцы. Вернул визитеру усмешку. Прекрасно знал, какое впечатление производят ящеры на неподготовленных людей, и бессовестно пользовался своими знаниями.

Патрак по-женски фыркнул и пошел прочь. Ривотт довольно погладил шею ящера. Принц мог внушить уважение кому угодно. Чуть больше человеческого роста в холке, с мощными когтистыми лапами и широкой грудной клеткой, он пугал одним взмахом тяжелого хвоста. А уж когда дело доходило до зубов в открытой пасти, и говорить было нечего. Все-таки хищник!

Дракей вывел зверя на воздух, подтянулся на его шее и прыгнул в седло. Тряхнул головой, разгоняя все посторонние мысли: о странных родственничках жены подумает после, сейчас важнее победа.

Глава четвертая

Каждый раз, заходя на драконюшню покойного мужа, Гортензия вспоминала, что нелетающие драконы получили свое название именно из-за самок. Это на дракодроме хватало больше похожих на гигантских варанов самцов, а здесь жили преимущественно лучшие их половины: неуклюжие крупные ящеры с бесполезными маленькими крыльями.

Возможно, когда-то они умели летать, но сейчас крылья только мешали использовать самок для катания верхом, больше никакого прока. Сами животные, похоже, этого не понимали, и, когда их что-то пугало или злило, быстро-быстро махали ненужными атрибутами. Драконицы живородящих видов могли еще плевать «огнем» – разъедавшей кожу кислотой – но только пока вынашивали детенышей. В остальное время ящеры были вполне безобидны и пугали гораздо больше, чем могли навредить.

«Драконы безопасны!» – повторяла себе Гортензия, втягивая носом характерный горьковатый запах и захватывая взглядом свободно гуляющих по территории животных. Теоретически, конечно, любой из нелетающих вне зависимости от пола мог сожрать человека – и размеры особей, и челюсти это позволяли – но зачастую рептилии побаивались двуногих и предпочитали прятаться. В редких случаях, и то скорее от отчаяния, они могли повредить человеку голову или руку.

Остановилась, собираясь с мыслями. До здания, где расположились управляющий и другие работники, было рукой подать, но еще на середине пути сердце забегало так резво, что Гортензии понадобилось перевести дух. Несколько раз глубоко вздохнула и продолжила путь. Тут не дракодром, где за каждым зверем следят, здесь они гуляют сами по себе.

Побаивалась ящеров с детства. И хоть давно убедилась: рептилии по большому счету ничем не отличаются от крупных собак, все равно частенько замечала за собой покалывающие шею мурашки, противно потные ладони и бешеный стук крови по вискам.

Обычно ее встречал кто-то из работников, но сегодня Гортензия надумала приехать внезапно, проверить, справляется ли новый управляющий. Предыдущего рассчитала сразу же после смерти супруга: мужчины вели какие-то темные делишки, а ей не хотелось сложностей из-за нечистых на руку работников. Новый управляющий производил приятное впечатление, однако проверить, как и что, было нелишним.

Уже подходила к зданию, когда воздух прорезал стон. Громкий, протяжный, гортанный. Показалось, сжалось сердце и кровь застыла в жилах. Гортензия испуганно оглянулась, пытаясь найти источник звука. Стон повторился. На этот раз он показался жалобным и просящим. Вздохнула с облегчением. Точно не человек.

Из здания вышел смутно знакомый усатый мужчина с большой сумкой. Заметив Гортензию, он тепло улыбнулся и

вежливо поклонился.

– Добрый день, госпожа Патрак! – поздоровался он, удобнее перехватывая сумку на ходу. – Рад видеть вас в добром здравии! Простите, спешу, Чучундре плохо, надо помочь.

Гортензия вернула улыбку. Память услужливо подсказала, кто перед ней. Когда госпожа Патрак приезжала сюда в последний раз, Лютик помогал местному ветеринару. Тогда мужчина был худее, моложе и, кажется, белобрее.

– Что случилось? – поинтересовалась она, шагнув следом за работником. Как-никак Чучундра – одна из самых дорогих самок, и ее болезнь может иметь серьезные последствия для всех.

– Она же на сносях, – махнул рукой мужчина, ускоряя шаг. – И так вредная, а сейчас еще вреднее. А господин управляющий, как назло, на своем ящере приехал. Что они там не поделили, непонятно, но самец подрал ей шею. Еле разняли. Она, конечно, в него тоже пару раз ядом плюнула, – тут Лютик ехидно ухмыльнулся. – Теперь он одноглазый ящер в яблоках, – вздохнул: – Но рана огромная, у Чучундры шкура сейчас не такая прочная и заживает плохо. Мы хотим помочь, а ей больно и она сопротивляется. Вроде знает нас, но удержать на месте почти невозможно. И привязать нельзя, только хуже сделаем. Ребята уже у загона, а я несу лекарство. Попытаемся намазать заживляющей мазью.

Гортензия покачала головой. Сжала кулаки, стараясь унять подступающую злость. Порубит на фарш и пришлого

ящера, и его хозяина. Без всякого яда! Ей сейчас только потерять породистую самку не хватало!

Лютик остановился и прищурился.

– Госпожа, – осторожно позвал он, и Гортензия прикусила губу в ожидании. Знала, что попросит мужчину, и заранее боялась этой просьбы. Но Лютик был не из робких, поймал взгляд собеседницы и продолжил: – Вы же ящерочуткая... Помогите нам! Это и в ваших интересах, – опустил глаза: – Простите, если дерзок. Но это самый лучший выход...

Горьковатый запах стал невыносим. По телу Гортензии пробежал давно забытый холодок. Она тяжело проглотила застрявший в горле ком и прикрыла глаза. Вот уж не думала, что когда-нибудь еще придется делать это.

– Я давно не пользовалась даром, – поделилась еле слышно. – Были обстоятельства, когда думала, что больше не смогу... И не знаю, получится ли сейчас...

Лютик мягко улыбнулся.

– Если дар пропал, она просто вас не подпустит. Даже если разъярится, мы успеем ее отогнать. Ничего страшного ни с вами, ни с ней не случится.

Гортензия потерла лицо ладонями и шумно выдохнула. Лютик прав, но как же не хочется, чешуя подери! Поежилась и потерла плечи, отгоняя охвативший тело холод. Надо идти! Чучундра – самка дорогая, терять ее – непозволительная роскошь.

– Давайте попробуем, – согласилась Гортензия и не узнала

своего голоса. Получилось шершаво и глухо, будто каждое слово давалось с трудом. – Ведите!

Мужчина кивнул и поспешил дальше по дорожке, госпожа последовала за ним. Воздух снова разрезал протяжный жалобный стон.

Около загона Чучундры их уже ждали. Завидев Гортензию, работники расступились, позволяя спокойно подойти к рептилии. Женщина не спешила. Остановилась у ограждения и схватилась за деревянную перекладину.

– Попробую установить связь, – обернулась она к Лютику, – если все получится, подойду к ней. Не мешкайте, помните, эффект длится недолго.

Мужчина кивнул и добродушно улыбнулся.

– Не волнуйтесь, госпожа, – поспешил заверить в своей осведомленности. – Мы все видели ящерочутких в деле.

– Вы сталкивались с отражениями, – покачала головой Гортензия. – Со мной будет иначе. Будет отдача.

Вздохнула и закрыла глаза. Сжала деревяшку до белых костяшек, до легкой боли, впиваясь ногтями в шершавую волокнистую структуру. До крови прикусила губу, мысленно вызывая к пространству, будто трубящий слон, собирающий сородичей на водопой. Накрыло знакомыми ощущениями. Тело будто пронзило тысячей леденющих игл, а потом оно взорвалось и рассыпалось на мириады частиц. Смешиваясь с воздухом и пылью, те медленно поползли к земле.

Перед глазами возникла Чучундра. Она лежала на полу,

опустив огромную голову на передние лапы. Гортензия была рядом с ней и в ней, смотрела со стороны и одновременно владела разумом драконицы. Сердце стучало от страха, от боли в плече хотелось кричать в голос, они обе – зверь и человеческая женщина – оказались растеряны и испуганы в унисон. Гортензия выдохнула и приказала ящере подняться. Чучундра застонала тем самым ужасным звуком, который еще несколько мгновений назад переворачивал внутренности, и неохотно встала на ноги. «Раз-два, раз-два», – подбадривала Гортензия шагающую драконицу, подавляя желание разреветься от чужой боли. «Раз-два, раз-два», – шептала она, ожидая, когда, наконец, все закончится, и опасаясь разрыва тонкой связи.

Вышли наружу, и вокруг замельтешили мужчины. Чучундра собралась спрятаться, но Гортензия велела ей остаться на месте. Захотелось кричать, когда к шкуре самки приложили тряпки с мазью. От боли перехватывало дыхание, но женщина удерживала связь: отпусти она зверя сейчас, все усилия будут напрасны.

Работники не медлили, сделали все даже быстрее, чем рассчитывала. Плечо еще саднило, но беспокоить его перестали. Чучундра фыркнула на мужчин и отправилась к поилке. Гортензия тяжело проглотила слюну, мысленно сжимаясь в комок. Настал самый неприятный момент. Требовалось разорвать связь. Отпустить зверя.

Плавнo вдохнула, мысленно готовясь получить очередную

порцию боли. Собрала разлетевшиеся частички в вихрь. Закружила его так быстро, как смогла, и раскрыла объятия. Части пора присоединиться к целому.

Показалось, кто-то облил кипятком: боль, зуд и выступающая в трещинах кожи кровь. Судорожнохватила ртом воздух, пытаясь удержаться в границах реальности, но мука оказалась такой сильной, что сознание предпочло отступить в спокойную черноту. Прежде чем все исчезло, Гортензия услышала свой полный ужаса вопль.

Очнулась в кресле в кабинете управляющего. Сквозь открытое окно дул прохладный ветерок, но нос улавливал только резкий кошачий запах платка, который обеспокоенные мужчины пихали в лицо.

– Как хорошо, что вы очнулись! – с облегчением выдохнул Лютик. – Я уж решил, все пропало. Особенно когда у вас кровь пошла носом. Нужен доктор?

Гортензия покачала головой, залезла в карман платья, достала платок и вытерла нос.

– Если можно, сладкого чаю...

– Сейчас сделаем, – управляющий подобострастно поклонился и убежал прочь.

– Со мной все в порядке, – поспешила успокоить Лютика. – Отдача в основном в голове. Реальная боль гораздо слабее, чем кажется.

– Простите, – мужчина развел руками. – Я забыл, как бывает, когда имеешь дело с ящерочуткими, а не с отражения-

ми. Но без вас мы бы не смогли ей помочь... От веревок ей становилось только хуже, они сдирали шкуру.

– Ерунда, – махнула рукой Гортензия. – Главное, что Чучундре легче. Она так мучилась! Что до отражений, не обманывайтесь. У них нет отдачи, зато у ящерочутких, с которых эти отражения создали, есть каждый раз. Так что даже если никто не мучается при вас, кто-то совершенно точно страдает вдали.

– А господин Патрак говорил, что в этом случае все хорошо...

– Он ошибался, – Гортензия хотела сказать, что супруг намеренно лгал, но потом решила не посвящать работников в семейные дрязги.

Лютик кивнул. Вошел управляющий с подносом. Кабинет наполнил запах мяты. На столе перед Гортензией поставили чайник с чашкой и вазу с конфетами.

– Отправляйтесь работать, Лютик, – не терпящим возражения тоном приказала хозяйка, и ветеринар тут же покинул кабинет.

Остались вдвоем с управляющим. Смерила этого лощеного мужчину взглядом, раздумывая, рассчитать его сразу или дать шанс. Снова вытерла подтекающую из носа кровь и налила себе чаю. Отхлебнула, ожидая первого шага от подчиненного.

– Клянусь, госпожа Патрак, больше такого не повторится, – запальчиво заверил он.

– Уверена, – ухмыльнулась Гортензия и отпила еще. А потом выпалила ровно так, как отчитывал подчиненных почивший муж. – Потому что если еще хотя бы раз по вашей вине пострадает какое-то из моих животных, вы вылетите отсюда с таким свистом и рекомендациями, что закончите свою жизнь на паперти. Это понятно?

– Понятно, – кивнул мужчина спокойно.

Гортензия покачала головой. Учитывая размер его жалования, он мог бы и крепче держаться за место. А потом вспомнила его рекомендации и смягчилась. Если этот мужчина и впрямь такой весь из себя грамотный, стоит дать ему шанс.

– Давайте проверим книги, – предложила она примиряюще, и управляющий посмотрел на нее с благодарностью. Вероятно, общаться по делу для него было проще, чем пытаться загладить вину.

Два часа спустя Гортензия уже ехала в карете в центр города за советом к знающему человеку. Обещали, что, взглянув на договор драконюшни с придворными зельеварами, он подскажет, к кому обратиться, чтобы немного изменить условия. Золотых гор не сулили, но Гортензию устраивали и небольшие поблажки. Даже два процента сейчас были важны как никогда.

До назначенного времени еще можно было успеть перевернуть мир, но оставаться на драконюшне не хотелось. Ловить на себе жалостливые и виноватые взгляды каждый раз,

когда подтекало из носа, надоело. К вечеру все пройдет, а холодок от лицемерной жалости будет преследовать вечно. Когда просили помощи, прекрасно представляли, чем все закончится, так непонятно, зачем изображали сожаление после...

На подъезде к дворцовой площади скорость уменьшилась, народу и карет вокруг стало больше, и извозчик, похоже, боялся столкнуться с кем-нибудь. От нечего делать Гортензия уставилась в окно. Увидела здание и ухмыльнулась. Поговаривали, в этом строгом особняке с высокими, идеально-правильными колоннами и тяжелыми резными дверями был лучший дом терпимости в городе. Фыркнула и покачала головой. Никогда бы не подумала! Снаружи все так чинно и гладко, школа благородных девиц, не меньше.

Дверь здания распахнулась, и на крыльцо вышел Ривотт собственной персоной. Он довольно улыбался и насвистывал веселую песенку.

Гортензии захотелось расхохотаться. Надо же, какой стеснительный муж ей попался! Вчера не решился прийти к ней, зато легко отправился к девкам. Оно, конечно, к лучшему, ей мысли о постели внушают скорее страх, чем предвкушение, но давать повод для сплетен не стоило.

Велела остановиться и, приоткрыв дверцу, окликнула благоверного. Ривотт встрепнулся потревоженной птахой и послушно запрыгнул в карету. Уселся напротив. Гортензия поморщилась, учуяв запах знакомых женских духов. Не таких

уж дешевых! Ухмыльнулась и смерила супруга взглядом. Ривотт будто ожидал скандала: собранный и серьезный, он сложил руки в замок, сжал губы и уставился на жену. А потом нахмурился и по-хозяйски поинтересовался:

– Что у тебя случилось? Выглядишь – краше в гроб кладут.

– Ерунда, – Гортензия махнула рукой, – накрыло отдачей. Уже забыла, как это – владеть чужим разумом, думала, не смогу больше... Оказалось – могу, – шумно вздохнула: – Лучше бы и не знала никогда, что это такое...

Ривотт оживился. Редкий дар приятельницы не был новостью, в юности мужчина даже смеялся, что если Гортензия выйдет за ящера, всегда будет знать, с кем ночует супруг. Видимо, и сейчас разговоры о ящерочуткости настраивали на шуточный лад.

– Насколько помню, есть отличный способ избавиться от дара, – выпалил он. – Надо родить ребенка. И ящерочуткость пропадет навсегда.

Гортензии захотелось разреветься. В груди будто разгорелся огонь, не давая вздохнуть по-человечески. Хватила ртом воздух и ущипнула себя за запястье. «Дело прошлое», – напомнила мысленно и скривилась в усмешке.

– Осталось только найти, от кого, – заметила философски, сама не зная, хочет услышать комплимент или просто поддеть мужа.

– Ну здесь мне даже присоветовать нечего, – развел ру-

ками Ривотт и подмигнул. – Попроси кого-нибудь по дружбе. Денег приплати, в конце концов! – потом деланно прищурился. – Придумал! Можешь дать объявление, что готова создавать отражения, это ж вроде через постель делается. Помучаешься, конечно, немного, но рано или поздно у тебя все получится. Зато при деньгах будешь. Опять же, сможешь сама выбрать нужного папашу...

Гортензии показалось, что тело бьет мелкая дрожь и противный леденящий холод завоевывает каждую частичку. Пожилаясь, пытаюсь согреться. Тщетно! Из груди вырвался стон, и страх тонкой шалью укрыл плечи. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы муж замолчал. Чтобы больше ни словом, ни мыслью, ни вздохом не напоминал ей о прошлом. О том, что хотелось забыть до боли в груди, до готовности удавиться. Об унижительных и мерзких ночах в компании братьев Патраков, и о страшных, полных боли днях после. Об охватывающем все существо ужасе даже от скрипа двери, сообщающего о приходе супруга домой, одного или в компании брата. О не сулящих ничего хорошего тяжелых шагах в коридоре, от которых хотелось исчезнуть, скукожиться до пылинки, раствориться в окружающем воздухе. О том, что каждая новая порция семени в ее лоне обещает еще один полный ужаса день.

– Что с тобой? – будто издали позвал Ривотт. – Прости, сморозил несусветную глупость...

– Они трахали меня вдвоем, – зло прошептала Гортензия,

чувствуя, что больше не хочет держать эту жижу в себе. – Муж и деверь. Когда одновременно, когда по очереди, непременно наблюдая друг за другом и давая советы. А утром шли к животным воспользоваться моим даром! Управляли драконами. И если муж просто продавал свои услуги хозяевам ящеров, только чтобы наказать меня за непокорность и попытки бегства, то Белдон творил с животными что-то непотребное. От его отдачи я отходила по несколько дней. А потом Патраки снова тащили меня в постель...

По щекам, кажется, потекли слезы, но ей уже было плевать. Плотину прорвало. Семь лет она молчала о своей беде, семь лет гадала, а не сама ли виновата в происходящем, и вот наконец смогла заговорить. Посмотрела на растерянного Ривотта и твердо произнесла то, ради чего завела столь длинную речь.

– Ни один мужчина больше не прикоснется ко мне, пока не буду уверена, что ему не нужен мой дар. Так что твой способ не годится.

Ривотт громко сглотнул. Шутки кончились, а слов утешения он не знал.

– Скажи, – поинтересовался первым, что пришло в голову, – а Белдону зачем к ящерам?

– Какой-то секретный ингредиент для королевского отвара, – пожала плечами Гортензия и шмыгнула носом. Боль потихоньку отступала, и слезы вместе с ней.

– Мне следовало бы догадаться....

– Его жена была ящерочуткой, а потом он овдовел, и они с братом нашли меня.

Ривотт кивнул. Подозревал, что папаша Гортензии и рад был сбегать ее в хорошие руки! Посмотрел на жену и, не выдержав, пересел к ней. Обнял. Уложил голову Теззи к себе на плечо и осторожно, чтобы не испортить прическу, погладил по волосам.

– Ты пахнешь, как дешевая шлюшка, – усмехнулась супруга, но не шелохнулась. Ривотт только покачал головой, если Теззи пытается шутить, значит, ей становится легче.

– Не такая уж и дешевая, – больше для порядка возразил он и поспешил внести ясность. – Мне нужно было снять напряжение после бегов, отвлечься хотя бы немного. Тащить тебя в постель не хотелось. Мы почти чужие люди, и ты вряд ли была рада мне как мужчине. Проще заплатить. Ни обязательств, ни душевных разговоров, ни принуждения.

– Зато заразы... – хихикнула Гортензия, выбираясь из его объятий.

– Зельевары сейчас лечат все, – заверил Ривотт и невозмутимо продолжил: – Может, прогуляемся немного в городе? Поужинаем вместе... Мне неудобно, что ты меня кормишь, а я ни за что не плачу. У тебя нет великих богатств, да и мне не пристало.

– Я еду на встречу в торговую палату и не знаю, хватит ли сил на прогулку. Освобожусь часа через два.

– Прекрасно, – согласился Ривотт. – Тогда жди меня там

около выхода. Я забегу в холостяцкую квартиру, переоденусь и встречу тебя. Там и решим: пойдём к тебе сразу или погуляем.

– Договорились, – улыбнулась Теззи, и Ривотту стало спокойнее на душе. Отпустило чувство вины за невозддержанный язык и снова, как всегда после удачных постельных упражнений, захотелось петь.

Остановил карету и, помахав Гортензии, отправился воплощать задуманное.

Глава пятая

Два часа спустя разодетый с иголки Ривотт ждал Гортензию около парадного входа в торговую палату. Он тщательно вымылся, но все равно время от времени ему мерещился запах духов девушки из борделя и хотелось провалиться сквозь землю. Сам не знал почему. Все казалось закономерным: они с супругой не оговаривали верности до гроба, он давно не юноша и имеет право на маленькие радости, но отчего-то на душе было беспокойно. Будто мальчишкой застали за воровством яблок из соседнего сада. В голове вертелось ее: «Ты пахнешь, как дешевая шлюшка», и закрадывалась мысль, что если раньше Гортензия могла раскрыть свои объятия, то теперь не сделает этого из обыкновенной брезгливости.

Впрочем, кого он обманывал? Вряд ли у Теззи было желание вообще раскрывать объятия. Если ей и хотелось нежности когда-то, то сейчас, похоже, остался только страх. Опасения, что самая прекрасная ночь любви закончится кошмарным днем. Ривотту страшно хотелось помочь той славной девчонке из детства: защитить, спрятать, заставить забыть о прошлом – но как это сделать, он не знал. Мог предложить разве что себя. Сомнительное утешение, учитывая его нежелание влюбляться в кого-либо и планы жениться на другой.

Гортензия не шла. Время от времени мимо пробежали озабоченные прохожие, а жена будто спряталась. Словно побоялась отказаться от прогулки сразу и сейчас наблюдала из-за угла в ожидании, когда Ривотту надоест стоять у крыльца и он соберется домой. Уже решил было зайти поискать супругу внутри здания, когда та наконец-то вышла на крыльцо.

Похоже, отдача отпускала: выглядела Гортензия лучше, чем два часа назад в карете. Ушла мертвенная бледность, и в глазах снова появился жадный блеск. Ривотт улыбнулся. Отчего-то вспомнил, как в детстве она с таким же азартом смотрела на сахарных петушков на каждой ярмарке. Пока они с Дадли и другими мальчишками мерялись силой, лазая по канатам или ухая тяжелой кувалдой, девочки бежали за сладостями. И Теззи неслась быстрее всех.

– Остались силы на прогулку? – поинтересовался он вместо приветствия. Отвел в сторону локоть, предлагая взять себя под руку. В конце концов, намечается променад с супругой, а не с подружкой!

– Остались, – улыбнулась Теззи, цепляясь за его руку. – Куда пойдем?

Ривотт пожал плечами. Деталей он обдумать не успел. Потер подбородок и довольно улыбнулся. Идея!

– Пойдем в парк, куплю тебе леденец, выиграю какую-нибудь ненужную вещьцу.

Гортензия рассмеялась.

– Мне давно не делали таких шикарных предложений, –

сквозь смех проговорила она и, кажется, впервые по-настоящему оперлась на его предплечье.

До парка было рукой подать. Супруги прошли мимо окруженного голыми деревьями королевского дворца, оставили позади чопорные здания разных советов и палат и вышли к набережной. Пусть листья на деревьях еще не распустились, но вода в реке уже ждала лета: вместо серой унылой жидкости тут протекало синее шелковое полотно. Тысячи чистых ручейков, собравшихся вместе на веселую прогулку.

От воды веяло холодком, и Ривотт ускорился: не хотелось, чтобы Теззи замерзла еще в начале прогулки. Ясное дело, к вечеру похолодает, но сейчас душа просила только веселья, а не поисков места, где можно согреться. Свернули вглубь парка при первой возможности. Слились с пестрой толпой прогуливающих перед ужином горожан. Столичная публика совсем не походила на подобную в родном городе Теззи: не хватало юношеской восторженности и непосредственной радости, но Ривотту на мгновение показалось, что прошедших с детства лет и не было вовсе.

Лавку с леденцами нашли не сразу. Та отчего-то стояла в стороне от дорожек. Пришлось свернуть на узкую тропинку между похожих на паутину гигантского паука кустов. Сообразив, что леденец предназначается взрослой женщине, продавец тепло улыбнулся и тайком подмигнул Ривотту. Гортензия заметила этот мужской междусобойчик, но только покачала головой и молча занялась петушком.

В отличие от лавки места, где можно выиграть ненужную безделушку, прятаться не собирались. Бросались под ноги на каждом шагу. В детстве Ривотт легко справлялся со всеми ярмарочными развлечениями и сейчас не стал мудрствовать лукаво. Выбрал местечко с игрушками позабавней и потащил спутницу туда. Теззи замялась в нерешительности.

– Отто, они же страшные как смерть, – вполголоса заметила она, глядя на призы. – Никогда не видела ничего несуразнее.

– Дареному коню в зубы не смотрят, – хохотнул Ривотт. Отчего-то забавляла мысль о таком подарке.

Игра казалась простой. Давали три деревянных шара и нужно было все три раза попасть в одну и ту же пластинку из множества, подвешенных напротив. Ривотт сунул деньги стоящему рядом сухому старику, тот выдал ему шары и дракей пустился за добычей.

Промазал на третьем броске. Посмотрел на спутницу и развел руками. Наблюдавшая за действием Гортензия хмыкнула и приказала:

– Заплати еще.

Ривотт покачал головой, но повиновался. Теззи отдала мужу леденец, взяла у старика шары и с видом охотника в засаде принялась прицеливаться. Она шурилась, хмурилась и даже высунула язык. Кажется, первым ударом попала не туда, куда требовалась. Вторым, правда, не промахнулась. А третий выбила так уверенно, что Ривотта посетила мысль

о насмешке. Тем временем супруга подошла к игрушкам и выбрала зайца. Зверь был ужасно сшит: уши разной длины, слишком далеко разбежавшиеся по морде глаза, норовившая отлететь часть носа и навевающие мысли о параличе лапы.

– Держи, – она протянула приз супругу, – это мой тебе подарок.

– Так себе подарок, однако, – усмехнулся мужчина, забирая зайца.

– Дареному коню в зубы не смотрят, – хихикнула Теззи, а Ривотт втянул носом запах ее розовых духов и с пугающей ясностью понял, что жутко хочет поцеловать эту женщину.

Тряхнул головой, отгоняя желание. Только этого не хватало! Было же все сегодня, зачем ему Гортензия? Прищурился, вручил ей зайца и заплатил старику еще. Надо отвлечься!

Опять не повезло. Промахнулся уже с первого шара. Зло фыркнул с досады и внимательно посмотрел на призы. Неужели он не выиграет? Кровь закипела привычной азартной злостью, и Ривотт оглянулся на старика, ожидая разрешения кинуть еще. В этот раз промахнулся третьим шаром. Выругался и пошел за очередной порцией. Мысленно проклял свое мальчишество и неуклюжесть, но остановиться не мог. У Теззи же получилось, чем он хуже?

После очередного промаха спутница приблизилась и осторожно взяла за плечо.

– Что с тобой, Отто? – поинтересовалась встревожено. – Зачем тебе эти жуткие монстры?

Ривотт снова окунулся в розовый аромат духов. Украдкой прижался к теплому боку Теззи. Кажется, злость отпустила. Осталось только нестерпимое желание обнять эту женщину. Пробежаться ладонями по ее бокам, задержаться на талии, прижать к себе и согреть. Чтобы рядом с ним забыла обо всем на свете. Супруга осторожно погладила его руку. Наклонилась к уху и заговорщически прошептала.

– Нам на двоих и зайца хватит... Вдруг они сговорятся и загрызут нас ночью? Смотри, какие страшные.

Ривотт рассмеялся, мысль о смерти от зубов мягких игрушек забавляла. Кивнул старику и, предложив своей спутнице руку, собрался уходить, но хозяин «мягких чудовищ» окликнул его. Протянул сшитую из зеленой клетчатой ткани крысу с разноцветными ушами и куцым хвостом.

– Сколько? – прищурился Ривотт, нащупывая кошелек.

– Подарок вашей возлюбленной, – с улыбкой ответил старик. – Мои игрушки приносят удачу.

Мужчина поблагодарил, взял крысу и вернулся к спутнице. Стало холодать, самое время зайти куда-нибудь перекусить.

Домой возвращались затемно. Телом владела легкая усталость, хотелось улечься где-нибудь на траве и смотреть на звезды. Ривотт разглядывал лицо Теззи, когда свет фонарей проникал через окно кареты, гадал, понравилась ли ей прогулка, и поддерживал неспешную беседу.

– Значит, ты планируешь вернуться в семью? – Гортензия

слегка откинула голову и прикрыла глаза. – Снова станешь примерным наследником и достойным членом великой фамилии?

– Если отец позовет обратно, – улыбнулся Ривотт. Смотреть на Теззи было страшно приятно. Жаль, розовый запах выветрился к вечеру и в карете пахло только сыростью и мокрой землей, а не ее духами. – Я все-таки бросил подходящую невесту за день до свадьбы... Он пока не простил.

– Помню, ты тоже был так обижен...

– Я и сейчас обижен, – вздохнул мужчина. – Но там совсем другая жизнь. Под завязку забитая делами, но размеренная и спокойная. Опять же, я вырос во дворце и хотел бы вернуться.

– А как же выбранная отцом невеста? – усмехнулась Теззи, и Ривотт снова подавил желание поцеловать ее. С какой бы радостью он коснулся уголка этих приоткрытых губ. Нежно, осторожно, чтобы собеседница расслабилась, потеряла всякую бдительность. Чтобы потом вероломно впиться в ее рот жадным, жарким, требовательным поцелуем.

Проглотил застрявший в горле ком и пустился в объяснения.

– Та давно замуж вышла. Такое приданое и связи не остаются надолго без присмотра, – пожал плечами. – Думаю, отец найдет другую. Но мне все равно. Это раньше я думал, что надо искать человека по душе, сейчас стал старше и перестал верить в сказки о любви.

– Продашься за красивую жизнь, – подытожила Теззи и широко улыбнулась.

– Что-то вроде того, – кивнул Ривотт.

Карета остановилась около входа в сад перед особняком. Помог жене выйти и, не отпуская ее руки, повел в дом. Наверное, стоило забрать у нее игрушки и понести их, но отрываться от ладони не хотелось. Сердце билось как у дебютантки на балу. Но больше чем приглашение на танец, сейчас хотелось услышать вчерашний вопрос Гортензии: «Ждать тебя сегодня в постели?». И помявшись для порядка, с ленцой, будто нехотя ответить: «Да».

Не спросила. Вероятно, решила, что ему хватило днем. Попрощалась и исчезла за дверью комнаты. Ривотт полез в карман куртки и с ужасом понял, что ключа от его спальни там нет.

Набрал в грудь побольше воздуха и постучал к жене. Открыла сразу. Теззи еще не успела раздеться, только вынуть шпильки из прически. В тусклом свете свечи ее волосы казались такими темными, что ей позавидовала бы любая крашенная модница.

– Я ключ потерял, – протянул виновато.

– Пройди через мою комнату, – Теззи отступила, пропуская его внутрь.

– Мне завтра надо уехать до завтрака, – продолжил наступление Ривотт, жадно втягивая носом знакомый аромат духов. – Тренирую еще одного самца, а Принц ревнует и

нервничает, когда я не прихожу в обычное время. Мы с ним друзья, не хочу его расстраивать.

– Постучишься, – строго сказала Теззи, – я тебя пушу и выпущу. Потом запру за тобой дверь и отправлюсь досыпать. Понял?

– Да.

Ривотт прихватил с комода подаренного ему зайца и поспешил к себе. Задерживаться в спальне жены не было смысла. Теззи продолжения вечера не жаждала, а он не собирался ее принуждать. Хотел, чтобы с ним в постели была горячая, алчущая наслаждений женщина, а не рыбина, снисходительно терпящая бесполезные телодвижения.

Заснул сразу, как голова коснулась подушки. Открыл глаза от протяжного звона колокола на городской башне. Кажется, и не отдыхал вовсе. Тело взывало к милосердию, но Ривотт оставил этот зов без внимания. Встал с постели, оделся и осторожно приоткрыл общую дверь.

Теззи спала сладким рассветным сном. Милая, спокойная и славная. В трогательной, прикрывающей все что можно рубашке. Кажется, во вчерашнем платье и то вырез был глубже, а рукава короче. Ровно и ритмично дышала. Как человек с совершенно чистой совестью. Из-за закрытых глаз немного походила на девчонку: прямой маленький нос, слегка припухлые губы, острый подбородок, легкий румянец на щеках. Ривотт вздохнул. Возраст не улавливался, когда прятались отголоски пережитого.

Не стал будить. Запер ее комнату снаружи и подсунул ключ в щель под дверь. Привел себя в порядок и поспешил на дракодром. На выходе столкнулся со служанкой, Фукси: судя по неубранному виду, та только проснулась. Поклонилась господину и отправилась на кухню. Ривотт пошел искать карету. Начинался замечательный день, и у дракея были огромные планы.

Утром занятия с животными, в обед визит дознавателя, после – встреча с очередным толстосумом, который будет уговаривать Ривотта взять под седло именно его ящера. Дракей отобьется к ужину, а вечером они с Теззи пойдут в оперу. Помнится, раньше она очень любила слушать пение, да и ему будет нелишним. Надо только озаботиться билетами.

Около дракодрома ожидал Хатиор Рипсалис. Сегодня он походил на чайник, в который с утра зачихнули лимон, и теперь напиток в нем такой кислый, что жуть.

– Прошу прощения за ранний визит, – заговорил он вместо приветствия. – Но вчера сменили начальство, и я не знаю, отпустят ли меня в обед... Не знаю, что вообще будет твориться в нашей службе...

– Ничего, – махнул рукой Ривотт. – Пойдемте. Заодно познакомитесь с моим новым подопечным.

Дознаватель посмотрел настороженно, но покорно пошел следом за дракеем. Ривотт ухмыльнулся: чего только не сделаешь ради трех билетов на синие кресла!

Гортензия проснулась от стука в дверь: Фукси позвала на завтрак. Теззи заметила ключ на полу и покачала головой. Всегда знала, что вокруг полно мужчин не таких, как ее почивший супруг, но сталкиваться пока не приходилось. Не доверяла Ривотту, настороженно относилась к каждому его слову, но то, что он гораздо лучше почившего супруга, не признать не могла.

Важных дел до обеда не намечалось. Гортензия облачилась в домашнее платье и спустилась к завтраку. После собиралась прошерстить адресную книгу и подумать, кому послать предложения о сотрудничестве от драконюшни. Нужно было готовить пути отступления на случай, если вчерашние переговоры дадут эффект и удастся повысить отпускные цены, а королевские зельевары в отместку откажутся от сотрудничества.

Уже заканчивала есть, когда в дверь постучали. Фукси вошла на кухню, и Гортензия поспешила открыть сама. На пороге стояли трое мужчин в форме городской охранной службы. Вошли, не дожидаясь разрешения. Визитер со звездочками на погонах смерил хозяйку дома строгим взглядом и поинтересовался:

– Гортензия Библис?

Женщина кивнула. Гости отчего-то будили дурные предчувствия.

Тот, что со звездочками, сунул в руки ей конверт с сургучовой печатью и почти запел.

– Гортензия Библис, вы обвиняетесь в организации убийства вашего супруга Датура Патрака. Начальник нашей службы счел вас опасной для общества и способной повлиять на расследование и принял решение изолировать вас до окончательного выяснения обстоятельств. В конверте бумага, подписанная королем.

Гортензия нахмурилась. Как же так? Всем очевидно, что убить мужа она не могла... Этот урод умудряется вредить ей и после смерти!

– Это какая-то ошибка, – пролепетала она.

– Значит, все скоро выяснится, – криво улыбнулся тот, что со звездочками. – Предупредите, что уходите. Вещей с собой не надо. Если останетесь у нас надолго, мы все дадим.

Гортензия открыла рот возразить, но поймала взгляд мужчины и осеклась. По спине пробежал противный страх, а на ладонях выступил холодный пот. Кажется, за убийство положена виселица? А у нее ни друзей, ни денег, ни связей. Она заранее проиграла.

– Поторапливайтесь, госпожа, – будто издалека прозвучал строгий голос, и Гортензия обреченно потянулась к уличной обуви.

Глава шестая

– Госпоже Гортензии повезло тогда, – разглагольствовал Хатиор, почти прижимаясь к стенке драконюшни, пока Ривотт заводил Красавчика в стойло. Всю тренировку дознаватель настороженно молчал, и дракей решил взять быка за рога. Собрался увести животное, чтобы мужчина, наконец, заговорил. Угадал. Как только вокруг перестал бегать ящер, Хатиор разболтался почище любой сплетницы. – Если бы наш бывший начальник зуб на Патраков не имел, повесили бы ее как пить дать.

– А что именно произошло? – уточнил дракей, закрывая ворота. – Расскажите. Должен же я понимать, что ожидать от супруги.

– Если кратко, – Хатиор наконец-то отошел от стены и приблизился к Ривотту, – муж пришел к ней в постель, а она два раза ударила его ножом. Но убивать тоже надо уметь. Кровищи было море, а Патрак даже недели не провалялся. В себя быстро пришел, будто и не было ничего.

– Мне кажется, чтобы женщина накинута на тебя с ножом, нужно дать очень веский повод, – философски заметил Ривотт. Не верилось, что Теззи напала просто так. Жутко хотелось понять, что знает дознаватель, а что нет.

– Там был, – махнул рукой Хатиор. И перешел на заговорщический шепот: – между нами.

– Конечно.

– Патрон велел ей зелье правды влить, чтобы оправдать. Штука неприятная, но действенная. И, поверьте, лучше бы мы этого не делали!

Ривотт погладил Красавчика. Ящеры всегда успокаивали, когда хотелось кого-нибудь задушить. Зелье правды помогало узнать истину сразу после приема и даже использовалось для доказательства невиновности, но доставляло много хлопот на следующий день. Никто не умирал, но некоторые слепли навсегда. Как-то отец применял его на одном из заговорщиков. Жуткое было зрелище. Мужчина кричал и катался по полу, надеясь унять жжение в животе. К вечеру отпустило, но долгое время он даже воду пил с опаской.

Дознаватель приблизился к уху Ривотта почти вплотную и едва слышно продолжил:

– Чтобы пользоваться даром Гортензии, братья Патраки спали с ней вдвоем. Ее постоянно мучила отдача, и она даже несколько раз убегала из дома, но ее находили и возвращали. И все начиналось заново. Потом дар пропал, потому что госпожа забеременела. Так случается, когда постоянно спишь с женщиной... – тут Хатиор громко сглотнул, оглянулся и, не заметив никого, кроме ящеров, зашептал снова: – Братья споили ей отвар, чтобы она выкинула ребенка, влили в рот, как животному. Надеялись, что дар вернется. А какая-то добрая душа поведала Гортензии, что после зелья для выкидышей женщина становится пустой.

Ривотту стало не по себе. Сжал шершавую кожу ящера, чувствуя, как редкая шерсть царапает ладонь. На месте жены он бы тоже с радостью вонзил нож в каждого из братьев. Знал Теззи с детства и готов был руку дать на отсечение, она не заслуживает такой участи. Никогда не отличалась чрезмерной любовью к ближнему и добротой, но и скотиной не была. Просили – помогала, нет – как все проходила мимо.

– Полагаю, Теззи, – заметил он ехидно, возобновляя поглаживания Красавчика, – порезала поросеночка, когда тот пришел проверять дар?

– Да, – кивнул дознаватель. – В общем, закончилось все банально: расследование закрыли, всех Патраков, включая Гортензию, выпустили, дар не вернулся, а наш патрон объяснил Белдону, что у него тоже есть связи и он не хотел бы, чтобы госпожу Патрак беспокоили зря. А сегодня начальники сменили на нового...

Ривотт нахмурился. До него, кажется, начал доходить смысл визита Хатиора.

– У нее серьезный враг, Отто. И если вам дорога эта женщина, стоит подготовиться к борьбе.

– А вам до всего этого какое дело? – прищурился дракей. Никогда не верил в бескорыстных доброхотов.

Дознаватель опустил глаза и пояснил смущенно

– У меня четыре дочери. Две из них ящерочуткие. Редкий дар. Таких, как они, дай небо два десятка на все королевство. Я не хочу даже думать о такой судьбе для моих девочек.

– Пойдемте покатаю вас на Принце, – сам не зная отчего, пригласил Ривотт. Хатиор согласился без возражений.

Дознаватель уже успел преодолеть страх, освоился в седле и как раз выпрашивал разрешение накормить ящера недо-варенным яйцом, когда к ним с Ривоттом подбежали двое: служанка Фукси и усатый старик, который не пускал посторонних на дракодром.

– Господин Библис, – сбивчиво начал он. – Девчонка говорит, что служанка, а не поклонница. Велел подождать, а она толкнула дверь и бежать. Простите!

– Ничего страшного, – мягко улыбнулся Отто. – Возвращайтесь к входу. Эту девушку, скорее всего, прислала моя супруга.

Старик кивнул и потопал восвояси. Фукси посмотрела на Ривотта и выпалила:

– Они забрали госпожу Гортензию! – шмыгнула носом и разразилась слезами.

– Кто – они?

– Из городской охранной службы, – пояснила девица.

Ривотт поднял глаза на Хатиора. На мгновение показалось, что дознаватель может помочь.

Мужчина нахмурился и покачал головой.

– Нужен залог, – хрипло пояснил он. – И два уважаемых незаинтересованных человека в качестве поручителей. Отказать не должны.

– Они сказали, госпожа помешает расследованию... –

проскулила Фукси и снова вернулась к рыданиям.

– Это хуже, – вздохнул Хатиор. – Тогда нужны трое. И чуть-чуть сверх залога. Но ее отпустят до суда.

Ривотт сдвинул брови, прокручивая в голове список полезных знакомых. Деньги есть, а вот что делать с поручителями?

– Уважаемые люди – это кто? – поинтересовался он осторожно.

– Способные в складчину заплатить штраф, в случае если Гортензия убежит, – выдохнул дознаватель.

– Сколько? – Ривотт впервые в жизни засомневался в своей способности оплатить женские капризы. Сердце сжалось в тревоге. Он не беден, но вдруг не хватит, а Теззи просто нельзя оставлять там!

– Десять тысяч.

Ривотт покачал головой. Сумма посильная разве что для хозяев ящеров, и то не всех. Даже такие толстосумы трижды подумают, прежде чем соглашаться.

– А залог? – насторожился дракей, прикидывая, у кого можно занять недостающее. – Он сколько?

– Обычно восемьсот плуток и десять процентов сверху на нужды службы, – пояснил Хатиор.

Ривотт облегченно выдохнул. За время своего дракейства он скопил около двух тысяч. Один раз выручить жену хватит. Даже два. Усмехнулся. Вот никогда бы не подумал, что будет готов отдать почти все накопленное, чтобы освободить

из тюрьмы женщину, с которой даже не спит!

– Объясняйте, что нужно делать, – скомандовал он и повел Принца в стойло.

В полутемной камере было душно и очень холодно. Зуб на зуб не попадал! Пахло грязью и плесенью. Гортензия заби-лась в угол, и, сидя на деревянной, отполированной чужими ягодицами лавке, смотрела в пустую темноту напротив. Соседке, пожилой бродяжке, расположившейся по другую сторону от входа, явно хотелось поговорить, но Теззи было так жутко, что нарушать тишину она не решалась. Казалось, заговори она – тут же разрыдается, а давать мучителям повод для радости в ее планы не входило. Стена, смотрящая в коридор, больше походила на кованый забор, и с входа все проглядывалось и прослушивалось без труда.

Гортензии уже приходилось сидеть на похожей скамье в соседней камере, но легче от этого не становилось. Противный страх частичка за частичкой поглощал глупое тело. Била мелкая дрожь, и с каждым вздохом обнимающие колени руки подчинялись все хуже. В голове шумело от вопросов. Что будет завтра? Ее повесят сразу или изобразят подобие суда? Скажут ли отцу? И что ему скажут? А что подумает Ривотт?

– Ничего, – подбодрила соседка простуженным голосом. – Скоро лето, будет припекать, а мы останемся в прохладе. Хорошо! До осени дотянем как во дворце!

Гортензия слабо улыбнулась, стараясь не думать, что у нее осени может и не быть. Да и насчет лета тоже сомнения.

– А к зиме отсюда надо выбраться, – не унималась соседка. – Холодно, как у оси мира! До костей промерзаешь. Ты здесь надолго?

– Не знаю, – пожала плечами Теззи. – Мне никто ничего не объяснил.

– А за что ты тут? – прищурилась бродяжка и подошла ближе. Запах грязи усилился, а Гортензии захотелось спрятаться. Даже в полутьме был отлично замечен пыливый взгляд собеседницы. Стало не по себе: Теззи совершенно не ожидала столь пристального внимания.

– Меня обвиняют в убийстве мужа, – поведала она, втайне надеясь, что соседка испугается и предпочтет оставить ее в покое.

– Не похожа ты на убийцу, – женщина покачала головой и улыбнулась ртом без верхних клыков. – Скорее на брыкливую красотку. Непокорную и злую, – махнула рукой: – Чую, вот-вот здесь появится твой покровитель. Торговаться придет, красавчик. Ты уж возьми с него за всех нас обиженных и брошенных. Хорошо возьми! Я когда молодая была, жалела их, любви искала, дура, а закончила здесь, – нахмурилась: – Не только в тюрьме, еще и на улице бываю, но тут хоть не льет с неба.

– У меня нет покровителя, – глухо прошептала Гортензия, чувствуя, как разгоняется сердце и страх из ледяного пре-

вращается в огненный. — У меня есть враг.

— Значит, он придет еще раньше, — ухмыльнулась бродяжка. — Позлорадствовать и насладиться победой, — подмигнула и перешла на шепот: — Ты можешь обвести его вокруг пальца.

— Как? — удивилась Гортензия. Что можно было придумать в такой ситуации, ей даже в голову не приходило.

— Договорись с ним! — выпалила соседка и тотчас же замолчала, прислушиваясь. Потом, решив, что опасность миновала, продолжила: — Сделай вид, что идешь у него на поводу, а потом...

Скрипнула тяжелая тюремная дверь и в конце коридора показался надзиратель в компании Белдона. Гортензия сжалась в комок в углу, умоляя всех известных богов, сделать ее незаметной.

— Вот сюда, господин Патрак, — пригласил надзиратель, огромный, немного неуклюжий детина, открывая единственную в этом коридоре деревянную дверь и ловко пряча в карман протянутые визитером купюры. — Сейчас я ее позову.

Теззи с трудом вдохнула. Она отлично знала, куда ведет эта дверь, — в камеру для допросов. Окон нет, только два стула, стол и вкрученная в стену цепь, на которую могут посадить, как собаку. Детина подошел к их с бродяжкой камере и широко улыбнулся:

— Госпожа Библис, к вам посетитель.

Гортензия отступила в дальний темный угол.

– Я никуда не пойду!

– Да бросьте вы, – развел руками надзиратель, щелкнул замком и, открыв дверь, подошел и подхватил заключенную на плечо.

Будто не чувствуя брыкающейся ноши, запер камеру снова, протопал несколько шагов, открыл дубовую дверь, впихнул Теззи в комнату и лягнул засовом, отрезая все пути к отступлению.

Показалось: что сердце остановилось. Они с Белдоном вдвоем в запертом помещении, ничего хуже и представить было нельзя! Гортензия еще успокаивала себя, что здесь, в тюрьме, ничего ужасного деверь с ней не сотворит, но нос слышал знакомый лимонно-гвоздичный запах и тело все больше сковывал ледяной страх. Конечности не повиновались, губы не размыкались, словно кто-то зашил рот, а в груди ныло так тоскливо, что хотелось рыдать в голос. Теззи жалась к двери и боялась открыть глаза, казалось, не переживет даже вида этого мужчины так близко.

– Не пугайся, Гори, – прошептал он еле слышно, и Гортензия сжала кулаки. «Гори» он называл ее исключительно в момент отвратительного единения.

Попыталась вдохнуть, но не смогла толком. Горло будто сдавили невидимой рукой. Лимонно-гвоздичный запах усилился. Почему боги не посылают ей смерть? Чем она провинилась? Распахнула глаза и развернулась к двери.

– Выпустите, пожалуйста! – закричала, изо всех сил ко-

лошматя по деревянному полотну. Но там, в коридоре, похоже, старательно делали вид, что ее не слышно.

– Тише, девочка, – Белдон приблизился и положил руки ей на плечи. Гортензия дернулась, пытаясь освободиться из захвата, но ей не удалось. Даром что деверь на двадцать лет старше, еще в силе. Он больнее сдавил плечи и продолжил: – Давай договариваться...

– Я не буду спать с тобой, – выдохнула Гортензия еле слышно. Сама себе показалась вдруг маленьким ничтожным существом. – Можем вместе сходить к животным, и ты возьмешь, что требуется.

– Меня это не устраивает, Гори, – рывком кинул на дверь, прижимаясь к спине золовки всем телом. – Не хочу, чтобы ты видела ингредиент...

Поморщилась, чувствуя реакцию Белдона на прикосновения, и снова заколошматила по двери. Не дойдет же он до того, чтобы насиловать ее прямо в тюрьме?

– Слушай меня, девочка, – прошептал деверь, подаваясь вперед бедрами и заставляя дрожать от омерзения и страха. – Твоя никчемная жизнь – ничто по сравнению с благом королевства. Либо ты соглашаешься помогать мне, либо тебя повесят... Король будет только рад подписать приказ, если узнает, что ты не желаешь ему здоровья.

– Поделись рецептом с остальными, – прошипела Гортензия, Белдон прижимал к двери так сильно, что не удавалось толком вдохнуть. Страх как-то сам собой превратился в от-

чаянную злость. Повернула голову и подытожила. – Тогда не понадобятся жертвы...

– У тебя великолепные глаза, Гори, – прошептал он, явно намереваясь поцеловать. Гортензия поспешно отвернулась. Послышался скрип засова и захотелось петь от радости. Неужели свидание окончено?

– Помни мои слова, – увещевал мучитель. – За тебя все равно некому заступиться...

С той стороны дернули дверь, и Гортензия практически вывалилась в коридор. Налетела на еще одного надзирателя, крепкого пожилого мужчину с неровно заросшим шрамом через все лицо. От спасителя разило потом и перегаром, но Теззи готова была броситься ему на шею и расцеловать.

– Следуйте за мной, госпожа Библис, – строго приказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.